

Александр Восьмой

КОМЕДИЯ: Офис, где
кофе решает судьбы.

Александр Восьмой

**КОМЕДИЯ: Офис, где
кофе решает судьбы.**

«Автор»

2026

Восьмой А.

КОМЕДИЯ: Офис, где кофе решает судьбы. / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Офис, где кофе решает судьбы. В крупной корпорации есть негласное правило: кто первым добежит до кофемашины, тот и принимает все важные решения. Скромный стажёр Артём втягивается в эту абсурдную гонку и неожиданно становится самым влиятельным человеком в офисе — правда, его «стратегия» держится на трёх эспрессо и одной печенье.

Александр Восьмой

КОМЕДИЯ: Офис, где кофе решает судьбы.

Глава 1. «Старт по звонку: битва за первую чашку»

В корпорации «МегаФлюкс» утро начиналось не с бодрого «доброе утро», не с рассылки писем и даже не с тревожного взгляда на календарь дедлайнов. Утро здесь начиналось с тика-ня секунд на кухонных часах — старых, с тяжёлым маятником, будто специально созданных, чтобы отсчитывать последние мгновения перед апокалипсисом.

8:59.

На этаже повисла странная тишина. В отделе маркетинга замерли над макетами, в бухгалтерии перестали шуршать бумагами, а в приёмной секретарша Инга, которая обычно успевала за минуту ответить на пять писем и три звонка, вдруг застыла с поднятой рукой — будто кто-то нажал на паузу во всей вселенной.

Артём, стажёр с папкой, которую он таскал с собой как талисман (в ней лежали три листа с пометками, которые он уже выучил наизусть), стоял у окна и пытался выглядеть так, будто он тут давно, будто он свой. Он вообще старался не привлекать внимания: тихий, аккуратный, с причёской, которую мама называла «мальчик из хорошей семьи». Сегодня он пришёл пораньше, чтобы успеть разобраться с документами, пока офис ещё спит. Но офис не спал. Офис... выжидал.

И вот — 9:00.

Тик.

И мир взорвался.

Из кабинетов, из переговорных, из укромных уголков, где кто-то пытался досмотреть последние секунды сна, хлынул поток людей. Каблуки цокали по полу, кроссовки шуршали, офисные туфли скользили на поворотах. Это была не просто спешка — это была стихия. Ураган из костюмов, галстуков и распущенных волос, который нёсся по коридору к одному-единственному месту — к кофемашине на общей кухне.

Артём даже не успел понять, что происходит. Просто вдруг оказалось, что он уже бежит. Не потому что хотел, не потому что был самым быстрым, а потому что инерция толпы подхватила его, как листок в водостоке, и понесла вперёд. Он сжимал папку, будто она могла его спасти, и думал только одно: «Только бы не уронить. Только бы не уронить».

А потом — тишина.

Нет, не полная. Где-то вдалеке всё ещё слышался топот, кто-то кричал: «Я почти!», кто-то ругался на скользкий пол, но прямо перед кофемашиной было тихо. Потому что Артём оказался первым.

Не из-за скорости. Не из-за хитрости. Не из-за тайного знания о коротких путях. А просто потому, что стоял ближе всех. Пока остальные только начинали свой забег из дальних отделов, он уже был здесь — у самой кофемашины, у этого сверкающего, почти священного аппарата, который в «МегаФлюксе» значил больше, чем любой устав.

Его руки дрожали, когда он нажимал кнопку. Эспresso полился в маленькую чашку — тёмный, густой, пахнущий как обещание чего-то великого. Артём сделал первый глоток — и мир на секунду замер. Горечь обожгла язык, а потом по телу прокатилась волна бодрости, словно кто-то щёлкнул выключателем и включил его на полную мощность.

И тут он заметил взгляд.

Генеральный директор Виктор Петрович, человек, чьё появление на этаже обычно заставляло всех расправлять плечи и прятать телефоны, стоял в дверях. На нём был идеально

сидящий костюм, седые виски и выражение лица, которое обычно означало, что сейчас кто-то получит выговор. Но сейчас он смотрел не строго. Он смотрел... одобрительно.

— Значит, сегодня ты решаешь вопрос с поставками, — спокойно произнёс Виктор Петрович, чуть кивнув на чашку в руках Артёма.

Артём чуть не выронил и чашку, и папку.

— Я... что? — прошептал он, чувствуя, как по спине пробегает холодок, смешанный с чем-то похожим на ужас и восторг одновременно.

— Ты первый у кофемашины, — повторил Виктор Петрович, будто это объясняло всё на свете. — А у нас тут негласное правило: кто первый, тот и рулит. Так что держись. И... не пролей кофе. Это важнее, чем кажется.

С этими словами он развернулся и ушёл, оставив Артёма одного посреди кухни, с чашкой эспresso в дрожащих руках и ощущением, будто он только что выиграл в лотерею, о которой даже не знал, что участвует.

Вокруг уже собирались остальные. Кто-то тяжело дышал, кто-то ругал скользкий пол, кто-то с завистью смотрел на чашку в руках стажёра.

— Ну ничего себе, — выдохнула Марина, стажёрка из соседнего отдела, стягивая с головы резинку и встряхивая волосами. — Ты что, телепортировался?

— Нет, — честно признался Артём. — Я просто стоял тут.

— Стоял тут, — повторила Марина, прищурившись. — И теперь ты решаешь вопрос с поставками. Знаешь, в этом офисе такие вещи не забываются.

Она улыбнулась — не зло, а скорее с интересом, будто перед ней был не просто стажёр, а какой-то редкий экземпляр, который стоит изучить поближе.

Артём сделал ещё один глоток. Горечь уже не казалась такой сильной. Наоборот, она стала чем-то вроде брони.

Он посмотрел на кофемашину, на чашку, на толпу вокруг — и вдруг понял: это только начало. И, возможно, самое странное, самое безумное, но и самое увлекательное приключение в его жизни.

Потому что в «МегаФлюксе» кофе решал судьбы.

А сегодня судьба выбрала его.

Глава 2. «Цена одной печеньки: тайный рычаг управления»

Утро в «МегаФлюксе» снова начиналось с того самого зловещего тиканья кухонных часов. 8:59. Пауза, в которой слышалось, как у каждого в груди стучит сердце — кто-то от предвкушения, кто-то от ужаса, а у Артёма — от смеси обоих чувств.

После вчерашнего триумфа он уже не чувствовал себя невидимкой. Теперь на него смотрели иначе: кто-то — с уважением, кто-то — с подозрением, а кто-то (вроде Марины) — с откровенным интересом исследователя, который нашёл новый вид жука и теперь решает, стоит ли его коллекционировать.

Но Артём не собирался полагаться на случай. Вчера он стал первым просто потому, что стоял ближе всех. Сегодня он хотел стать первым осознанно.

И тут его взгляд упал на овсяное печенье в коробке, которую кто-то принёс на общий стол. Обычное, чуть подсохшее, с крошками по краям — но в этот момент оно показалось ему не печеньем, а ключом к управлению вселенной.

Вчера, пока он стоял у кофемашины, начальник отдела логистики, суровый и быстрый, как торнадо в галстуке, на секунду задержался у стойки — и именно в эту секунду Артём успел проскочить вперёд. А на стойке тогда как раз лежала та самая овсяная печенька. Совпадение? Артём решил проверить.

Он взял одну печеньку, аккуратно положил её на самое видное место — точно туда, где начальник обычно замедлялся, чтобы схватить что-нибудь «на бегу». И замер, затаив дыхание.

8:59.

Тишина.

9:00.

Взрыв.

Каблуки, кроссовки, офисные туфли — всё слилось в один грохочущий поток. Люди неслись по коридору, как армия, идущая на штурм крепости, только вместо мечей у них были термocupки и амбиции.

Начальник логистики вылетел из своего отдела, как ракета на старте, — и вдруг... при-
тормозил.

Его взгляд зацепился за печеньку. Всего на долю секунды. Но этой доли хватило. Он наклонился, схватил её, машинально сунул в рот — и потерял темп.

А Артём, который на этот раз специально встал чуть позади, рванул вперёд — и снова оказался у кофемашины первым.

Он нажал кнопку, и эспрессо полился в чашку, тёмный и густой, как эликсир победы.

— Ну ничего себе, — выдохнула Марина, появляясь у кофемашины секундой позже. — Ты что, заключил сделку с печеньем?

Артём только улыбнулся. Он не стал объяснять, что это не магия, а чистая психология. Что он нашёл свой первый рычаг влияния.

С этого момента офис превратился для него в огромную шахматную доску, а сладости — в фигуры.

На следующий день он экспериментировал с конфетами. Шоколадная конфета в обёртке с золотым узором — для заместителя директора, который обожал всё «премиальное». Артём положил её на видное место, и заместитель, не удержавшись, остановился, чтобы развернуть её с церемониальной медлительностью. Десять секунд задержки — и Артём снова у кофемашины первым.

Потом был банан — для молодого менеджера из отдела продаж, который пытался жить «здорово» и каждый день искал, чем бы перекусить. Банан лежал прямо на его пути. Менеджер замер, взял его, задумался, чистить или не чистить... и потерял драгоценные секунды.

Артём наблюдал за этим с видом учёного, который открыл новый закон физики. Он вёл записи в блокноте, который прятал в папке-талисмани:

Овсяное печенье — замедляет начальника логистики на 3–5 секунд.

Шоколадная конфета — задерживает заместителя директора на 7–10 секунд (особенно если обёртка блестящая).

Банан — сбивает с ритма менеджера по продажам (эффект усиливается, если банан спелый).

Офис начинал жить по новым правилам — правилам, которые тихо и незаметно устанавливал скромный стажёр с папкой и коробкой сладостей.

Однажды он даже попробовал положить на стойку пакетик зелёного чая — для сотрудницы бухгалтерии, которая принципиально не пила кофе. И сработало: она остановилась, чтобы рассмотреть этикетку, и пропустила старт.

Коллеги начали замечать странную закономерность: Артём почти всегда оказывался первым. Кто-то шептался, что у него есть тайный маршрут, кто-то — что он заключил сделку с охранником, а Марина однажды подошла к нему и сказала:

— Слушай, я за тобой наблюдаю. Ты либо гений, либо тебе просто невероятно везёт. Но я ставлю на первое.

Артём пожал плечами, стараясь выглядеть скромно.

— Просто люблю сладости, — ответил он. — И хочу, чтобы все были довольны.

Марина прищурилась.

— В этом офисе сладости — это валюта. А ты, похоже, открыл свой собственный банк.

И она была права. Артём действительно стал своего рода банкиром: он выдавал «кредиты» в виде печенья и собирал «проценты» в виде секунд, которые складывались в победу.

Но самое странное было не в этом. Самое странное — в том, что офис начал меняться. Люди стали улыбаться друг другу у кофемашины. Кто-то благодарил за печенье, кто-то делился конфетой. Гонка не исчезла, но в ней появилось что-то человеческое — что-то, что делало её не просто борьбой за власть, а почти игрой.

В конце недели Виктор Петрович, генеральный директор, снова появился у кофемашины — не для того, чтобы участвовать в забеге, а чтобы понаблюдать. Он посмотрел на Артёма, на коробку с печеньем, на людей, которые теперь не только бежали, но и улыбались, и сказал:

— Знаешь, в других компаниях строят целые системы мотивации: бонусы, тренинги, программы лояльности. А у нас... у нас всё решает одна овсяная печенюшка.

Артём замер, не зная, хвалит его директор или иронизирует.

Виктор Петрович улыбнулся — впервые по-настоящему, без этой строгой маски.

— Продолжай, — сказал он. — Мне нравится, как ты смотришь на вещи. Иногда самое простое решение — самое сильное.

И ушёл, оставив Артёма с ощущением, что он не просто выигрывает забеги за кофе — он понемногу меняет атмосферу целого офиса.

А вечером, когда все разошлись, Артём сел за свой стол, достал блокнот и записал последнюю строчку:

«Иногда власть — это не скорость и не сила. Иногда власть — это просто печенюшка в нужном месте в нужное время».

Глава 3. «Кофе как валюта: курс на повышение»

К третьему дню в «МегаФлюксе» Артём уже не просто бежал к кофемашине — он просчитывал ходы. В его папке-талисмানে теперь лежал не только блокнот с записями про сладости, но и маленький график: «время старта по отделам», «зоны риска (скользкий пол, очередь у лифта)», «точки замедления». Он стал похож на полководца, который готовится к решающей битве, только вместо копий у него были термокружки, а вместо доспехов — слегка помятый офисный свитер.

А офис тем временем начал жить по новым законам — законам кофейной экономики.

Слухи разползались быстрее, чем пар из кофемашины. В курилке шептались, что у Артёма «своя квота» на эспresso. В бухгалтерии всерьёз обсуждали версию, будто он заключил сделку с бариста из соседнего кафе — мол, тот поставляет ему кофе по спецтарифу. А в отделе маркетинга родилась самая эпичная теория: у Артёма есть доступ к секретному резервуару, спрятанному где-то между архивом и кладовкой.

Артём ничего не опровергал. Он понял: иногда молчание работает лучше любой рекламы.

Всё началось с мелочи. В тот день Марина, которая уже перестала смотреть на него как на редкий вид жука и начала относиться скорее как к загадочному союзнику, поймала его у копировального аппарата.

— Слушай, — сказала она, понизив голос, будто делилась государственной тайной, — у меня дедлайн через час, а принтер опять завис. Можешь, если будешь у кофемашины, захватить мне латте? Я тебе потом подпись у Строгого Сергея выбью — он меня терпеть не может, но сегодня почему-то улыбается.

Артём на секунду задумался. Не потому что сомневался, а потому что впервые увидел в этом не просьбу, а сделку.

— Ладно, — кивнул он. — Латте без сахара. Но подпись — сегодня.

Марина подняла брови.

— Ты что, ставишь условия?

— Я ставлю курс, — серьёзно ответил Артём. — Сегодня латте стоит одной подписи. Завтра может подорожать.

Она рассмеялась, но кивнула:

— Договорились. Ты официально самый странный, но самый полезный стажёр в офисе. И сделка состоялась.

На следующий день к нему подошёл менеджер из отдела продаж, тот самый, который однажды застрял на банане.

— Артём, выручай. У меня встреча через десять минут, а я без кофе — как рыцарь без меча. Можешь захватить мне американо? Я тебе скину шаблон презентации, который все ищут, а ты даже не представляешь, сколько он стоит в наших кругах.

Артём сделал вид, что колеблется, хотя внутри уже радостно потирал руки. Он чувствовал себя как банкир на фондовой бирже, только вместо акций у него был кофе.

— Американо без молока, — уточнил он. — И шаблон — прямо сейчас.

Менеджер тут же достал телефон и отправил файл.

— Ты гений, — выдохнул он. — Или дьявол. Пока не решил.

Так Артём стал неофициальным банкиром «МегаФлюкса». Кофе превратился в валюту, а он — в её эмитента.

Он вёл учёт в своём блокноте:

Латте без сахара — одна подпись у строгого менеджера.

Американо — доступ к закрытому шаблону презентации.

Двойной эспresso — срочная распечатка 50 страниц (и моральная поддержка).

Капучино с корицей — услуга «не упоминать моё имя в отчёте».

Коллеги начали подходить к нему с видом людей, которые пришли просить кредит. Кто-то предлагал в залог флешку, кто-то — обещание «в следующий раз я тебя пропущу у кофемашины» (что, как выяснилось, было очень ценным активом).

Однажды к нему подошла Инга, секретарша, которая знала в офисе всё и про всех.

— Артём, — сказала она тихо, будто не хотела, чтобы стены услышали, — я слышала, ты тут кофейные кредиты раздаёшь. Мне нужен один маленький капучино. А взамен... я могу сказать тебе, когда Виктор Петрович собирается зайти на этаж. Это, знаешь ли, стоит дороже любого латте.

Артём задумался. Потом кивнул.

— Сделка, — сказал он. — Но капучино — только если скажешь заранее. Минут за пять. Чтобы я успел спрятать все доказательства своей банковской деятельности.

Инга улыбнулась — впервые за всё время, что он её знал.

— Ты быстро учишься, — заметила она. — В этом офисе выживают либо самые быстрые, либо самые хитрые. Ты, кажется, нашёл третий путь.

Но не всё было так гладко. В какой-то момент к нему подошёл сам Строгий Сергей — тот самый менеджер, подписи у которого все боялись просить. Он смотрел на Артёма так, будто пытался просверлить в нём дырку взглядом.

— Говорят, у тебя тут свой кофейный банк, — произнёс он без предисловий. — И что ты раздаёшь латте в кредит.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он уже мысленно прощался и с должностью стажёра, и с кофейной карьерой, и даже с папкой-талисманом.

— Ну... — осторожно начал он, — скорее, это взаимопомощь. Если я могу помочь чашечкой кофе, а мне взамен помогут с задачей — это же нормально?

Строгий Сергей помолчал. Потом неожиданно хмыкнул.

— Знаешь, — сказал он, — в других компаниях строят системы мотивации, KPI, грейды. А у нас... у нас всё решает чашка кофе и одна подпись. Может, это даже эффективнее.

Он развернулся и ушёл, оставив Артёма стоять с открытым ртом.

А вечером, когда офис опустел и только лампы над столами горели тусклым светом, Артём сидел за своим столом и перечитывал записи в блокноте. Он вдруг понял, что не просто обменивает кофе на услуги. Он создаёт связи. Он делает так, что люди начинают друг другу помогать — пусть и ради чашки латте.

В этот момент в дверях появилась Марина. Она принесла ему маленькую коробочку.

— Держи, — сказала она. — Это тебе. За то, что ты не просто берёшь, но и отдаёшь.

В коробочке было печенье. Обычное овсяное — такое же, с которого всё началось.

Артём улыбнулся.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Знаешь, я думал, что власть — это быть первым у кофемашины. А оказалось, что власть — это когда люди сами хотят тебе помочь.

Марина села на край стола и посмотрела на него с тем самым исследовательским интересом, но теперь в нём было что-то ещё — уважение.

— Ты меня пугаешь, — призналась она. — Ты слишком быстро становишься опасным.

— Не опасным, — поправил Артём. — Полезным.

Они рассмеялись.

А на следующее утро, когда часы снова начали отсчитывать последние секунды до 9:00, Артём стоял не у кофемашины, а чуть в стороне. Он не хотел быть первым любой ценой. Он хотел, чтобы система работала — даже если сегодня первой добежит Марина.

8:59.

Тишина.

9:00.

Взрыв движения. Каблуки, кроссовки, офисные туфли неслись по коридору.

Но на этот раз Артём не рванул вперёд. Он просто кивнул Марине — мол, твоя очередь.

И она поняла. Поймала его взгляд, улыбнулась и рванула к кофемашине, а по дороге крикнула:

— Если успею — захвачу тебе двойной эспрессо!

Артём остался стоять, чувствуя, как в груди разливается что-то тёплое — не от кофе, а от того, что он наконец-то стал частью этого безумного, шумного, живого офиса.

Потому что в «МегаФлюксе» кофе действительно решал судьбы.

Но теперь Артём знал: судьбы можно не только выигрывать в забеге. Их можно строить — по одной чашке, по одной сделке, по одному дружескому жесту за раз.

Глава 4. «Секретный маршрут: карта офисных ловушек»

Если раньше Артём воспринимал офис как обычное рабочее пространство — ряды столов, серые перегородки, плакаты с мотивационными цитатами, которые никто не читает, — то теперь он видел его иначе. Для него «МегаФлюкс» превратился в полосу препятствий, где каждый угол таил угрозу, а каждый коридор мог стать либо дорогой к победе, либо ловушкой, способной стоить ему решающих секунд.

Он достал из папки-талисмана свой блокнот и на чистом развороте крупно вывел: «Карта ловушек». Ниже пошли аккуратные пометки, каждая из которых была оплачена личным опытом и парой сбитых локтей.

«Зона затора у лифта: 8:58–9:05 — пик. Не идти!» — записал он, вспомнив, как вчера застрял в толпе, пока все пытались одновременно втиснуться в кабину. Рядом приписал: «Альтернатива: лестница, но там охранник Борис любит поговорить про погоду. Минус 15 секунд минимум».

Дальше шёл скользкий участок возле бухгалтерии — его недавно помыли, и пол блестел предательски, как лёд на катке. Артём лично проверил это на себе: нога поехала, папка чудом не вылетела из рук, а сердце ухнуло куда-то в район ботинок. Теперь он обходил это место по широкой дуге, словно разминировал поле.

А ещё была Инга. Не злая, не вредная, просто очень ответственная. Стоило появиться в приёмной, как она тут же ловила взглядом и выдавала: «Артём, ты не видел папку с отчётами? А может, зайдёшь к Виктору Петровичу, скажешь, что курьер звонил? И ещё, тут надо подписать...» И вот ты уже киваешь, заходишь, отвечаешь — и теряешь драгоценные секунды, которые в 8:59 могут стоять тебе чашки эспresso, а значит, и власти.

Изучая эти закономерности, Артём начал замечать то, на что раньше не обращал внимания. Например, узкий проход за архивом, которым, кажется, вообще никто не пользовался. Пыль на полу там лежала ровными слоями, будто время в этом коридоре текло медленнее. Но главное — этот путь выводил прямо к кухне, минуя и лифт, и скользкий пол, и даже приёмную с Ингой.

Ещё один тайный ход нашёлся в кладовке — через неё можно было проскользнуть к служебному коридору, который вёл к зоне отдыха. Правда, чтобы туда попасть, приходилось протискиваться мимо коробок с канцелярией и вдыхать запах старых папок, но 12 секунд — это 12 секунд. В «МегаФлюксе» за такое можно было купить не то что латте — целый кофейный автомат.

Теперь каждое утро Артём готовился к забегу как к спецоперации. Он изучал обстановку, выбирал экипировку (никаких новых туфель — только проверенные кроссовки), продумывал запасные маршруты и даже тренировался бесшумно открывать дверь кладовки, чтобы не выдать себя скрипом петель.

Однажды он заметил, что, если надеть курьерскую жилетку, которую кто-то оставил в комнате отдыха, люди почти не обращают на него внимания. Все привыкли, что курьеры снуют туда-сюда, и не видят в них угрозы. Так Артём открыл для себя искусство маскировки. В этой жилетке он мог спокойно пройти через самые оживлённые зоны, не вызывая ни вопросов, ни задержек.

— Ты что, теперь работаешь курьером? — спросила Марина, когда увидела его в этом наряде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.